

УКРЕПЛЕНИЕ ЗАКОННОСТИ И БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ГЛАВЫ 18 УПК РФ

© 2009 г. С. Б. Поляков¹

В современном российском законодательстве долгие годы актуальная задача возмещения вреда необоснованно привлекавшимся к уголовной ответственности лицам вначале была решена нормами гражданского права (ст. 1070 ГК РФ). Затем поиск лучших решений этой проблемы направился в русло уголовного процесса.

Появление в УПК РФ гл. 18 «Реабилитация», конечно же, преследовало цель скорейшего восстановления прав и возмещения ущерба потерпевшим от несправедливого уголовного преследования. Однако новые нормы права не облегчили невиновным людям и юридическим лицам, угодившим под пресс органов уголовного преследования, путь к возмещению причиненного вреда. Законодатель, не определившись с ответами на ряд существенных вопросов, оставил их решение правоприменителям, отнюдь не озабоченным правами лиц, подлежащих реабилитации.

Прежде всего нет ясного ответа относительно сущности предусмотренных в гл. 18 УПК РФ мер. Что это – меры возмещения вреда в конституционно-правовом порядке или меры гражданско-правовой ответственности? Отличие первых от вторых удачно сформулировано в особом мнении судьи Конституционного Суда РФ Н.В. Витрука к постановлению Конституционного Суда РФ от 1 декабря 1997 г.: «...объем ущерба и его возмещения устанавливается на основе норм гражданского права в индивидуальном порядке, в каждом отдельном случае, в то время как в конституционно-правовом порядке объем ущерба и его возмещения устанавливается всеобщим методом, на основе специального закона»².

Судьи коллегий по уголовным делам, видевшие в человеке только обвиняемого, изначально психологически были не готовы к делам о взыскании с государства в пользу гражданина. Заявления о возмещении вреда в порядке гл. 18 УПК РФ часто оставались без рассмотрения с рекомендациями обращаться с требованиями о возмещении вреда в порядке гражданского судопроизводства. При этом в мотивировочной части постановления

не приводились нормы УПК РФ в обоснование отказа рассматривать указанные заявления по существу ввиду отсутствия таковых. Однако в ч. 5 ст. 133 и ч. 1 ст. 138 УПК РФ упоминается о возможности рассмотрения вопросов, связанных с возмещением вреда реабилитированным, в порядке гражданского судопроизводства. А ч. 2 ст. 136 УПК РФ гласит, что иски о компенсации морального вреда предъявляются в порядке гражданского судопроизводства.

Верховный Суд РФ указывал, что выбор способа защиты имущественных прав, нарушенных в ходе уголовного судопроизводства (либо по правилам гл. 18 УПК РФ, либо на основании ст. 1070 ГК РФ), в том числе вида судопроизводства, принадлежит потерпевшему от причинения вреда³.

В настоящее время судебная практика исходит из того, что возмещение реабилитированным лицам вреда, причиненного уголовным преследованием, является мерой гражданско-правовой ответственности, которая может применяться как в гражданском, так и в уголовном судопроизводстве (за исключением компенсации морального вреда). Судебные коллегии по уголовным делам, решая вопросы возмещения вреда в порядке гл. 18 УПК РФ, в то же время делают ссылку и на ст. 1070 ГК РФ (чаще для указания субъекта ответственности)⁴. Такой подход, предопределенный «недоговоренностью» гл. 18 УПК РФ, является ущербным.

На наш взгляд, во-первых, конструкция возмещения вреда, причиненного необоснованным уголовным преследованием, как меры гражданско-правовой ответственности, имеет материально-правовые недостатки.

1) *Такая конструкция как один из случаев безвиновной ответственности (давняя проблема гражданского права) влечет неопределенность в установлении оснований присуждения выплат для возмещения вреда.*

Согласно постановлению Конституционного Суда РФ от 25 января 2001 г. «законодатель – в целях обеспечения общеправового принципа справед-

¹ Начальник правового отдела ООО «Пермнефтегазпереработка», доцент кафедры теории государства и права юридического факультета Пермского государственного университета, кандидат юридических наук.

² Собрание законодательства РФ. 1997. № 50. Ст. 5711.

³ См.: Определение Верховного Суда РФ от 14 января 2005 г. по делу № 58-В04-5 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 2007. № 9. С. 29; № 10. С. 15; 2008. № 1. С. 22–23.

ливости и достижения баланса конституционно защищаемых ценностей и целей – вправе установить в порядке исключения, как это сделано применительно к случаям незаконного осуждения, незаконного привлечения к уголовной ответственности, незаконного ареста, возмещение государством вреда гражданину и независимо от вины должностных лиц органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда (п. 1 ст. 1070 ГК РФ)⁵.

Однако присутствие в тексте п. 1 ст. 1070 ГК РФ слова “незаконные” плохо согласуется с ответственностью без вины, которую вложил в эту статью законодатель, поскольку это слово подразумевает наличие субъективной стороны правонарушения, т.е. вину в какой-либо форме. При отсутствии правоприменительного акта о незаконности действий, предусмотренных ст. 1070 ГК РФ, представители Минфина утверждают в делах рассматриваемой категории об отсутствии оснований для гражданско-правовой ответственности государства. Такая позиция соответствует некоторым теоретическим представлениям. Так, О.С. Иоффе писал: “...ответственность, имея своим основанием правонарушение, может последовать лишь при условии, что поведение неисправного участника обязательства является действием неправомерным”⁶. Н.С. Малеин, касаясь вопроса ответственности за “чужую вину” (чужие действия), указывал, что сам по себе фактор семейной, трудовой или хозяйственной связи не должен служить основанием юридической ответственности, для наступления которой необходим состав правонарушения и собственная вина конкретного правонарушителя⁷. То же можно сказать о связи должностного лица с государством, чьи функции он выполняет.

В большинстве случаев сегодня судами по гражданским делам о возмещении рассматриваемого вреда приведенные доводы все же оставляются без внимания без особых юридических изысков. Упор делается на безвиновную ответственность государства за результат – уголовное преследование, не завершившееся обвинительным приговором. Европейский Суд по правам человека, проанализировав российское законодательство и судебную практику в деле “Трепашкин против Российской Федерации”, сделал вывод: «внутригосударственные суды считают уголовное дело, завершившееся оправданием подозреваемого (обвиняемого), “незаконным” по существу. Поэтому, если обвиняемый оправдан, содер-

жание под стражей будет являться “незаконным”, даже если при помещении лица под стражу все материальные и процессуальные нормы были соблюдены»⁸.

С точки зрения восстановления прав невинно пострадавших лиц это хорошо. Но такое положение дел может легко измениться иным толкованием судами слов “незаконные” в п. 1 ст. 1070 ГК РФ. Как это сделано, например, в постановлении Федерального Арбитражного Суда Восточно-Сибирского округа от 28 февраля 2007 г.: “прекращение уголовного дела в отношении обвиняемого лица не влечет за собой признание незаконными действий следственных органов, совершенных в процессе расследования”⁹.

2) *Гражданское законодательство не содержит ясных критериев для определения размера возмещения вреда, причиненного органами уголовного преследования*, предусмотренных, например, для возмещения вреда, причиненного повреждением здоровья (ст. 1084–1094 ГК РФ).

Несмотря на неоднократное указание высших судебных инстанций о необходимости возмещения вреда в соответствии с п. 1 ст. 1070 ГК РФ в полном объеме¹⁰, суды испытывают затруднения в том, как его определить.

Решением Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 5 апреля 2004 г., оставленным без изменения Кассационной коллегией Верховного Суда РФ 1 июня 2004 г., признан недействующим и не подлежащим применению п. 7 Инструкции по применению положения о порядке возмещения ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда, утвержденной Министерством юстиции СССР, Прокуратурой СССР, Министерством финансов СССР 2 марта 1982 г., в части, ограничивающей право на полное возмещение убытков, а также п. 10 Инструкции, ограничивающий право на возмещение убытков шестью месяцами. Представители казны РФ по делам о возмещении вреда на основании ст. 1070 ГК РФ, ссылаясь на эти пункты, утверждали о праве на возмещение только тех имущественных потерь, которые указаны в Инструкции, с ограниченным сроком об-

⁵ См.: Собрание законодательства РФ. 2001. № 7. Ст. 700.

⁶ Иоффе О.С. Обязательственное право. М., 1975. С. 108.

⁷ См.: Малеин Н.С. Правонарушение: понятие, причины, ответственность. М., 1985. С. 171.

⁸ Пункт 62 Постановления Европейского Суда по правам человека от 19 июля 2007 г. по делу “Трепашкин против Российской Федерации” (жалоба № 36898/03) (Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2008. № 3) // СПС “КонсультантПлюс”.

⁹ СПС “КонсультантПлюс”.

¹⁰ См., например: Определение Конституционного Суда РФ от 4 декабря 2003 г. // Росс. газ. 2004. 17 фев.

ращения за возмещением ущерба¹¹. Данные положения Инструкции признаны противоречащими п. 1 ст. 1064, ст. 1069, п. 1 ст. 1070, ст. 196, п. 1 ст. 197 ГК РФ как не отвечающие принципу возмещения вреда в полном объеме¹². Об этом решении постоянно нужно напоминать, участвуя в делах рассматриваемой категории.

За неимением критериев определения размера вреда, возмещаемого в порядке гражданской ответственности, приходится обращаться к ст. 135 УПК РФ. В юридической литературе указывается, что в случае коллизии норм уголовно-процессуального и гражданского законодательства РФ суд, прокурор, следователь, дознаватель при решении вопроса о возмещении вреда должны руководствоваться нормами, предусмотренными в гл. 18 УПК¹³. Ничего не имея против существа этого мнения, считая, что необходимость обращения к уголовно-процессуальным нормам для применения материальных норм права (ст. 1069, 1070 ГК РФ), устанавливающих основания ответственности, — показатель теоретической неуклюжести.

Но и при такой помощи из другой отрасли законодательства потерпевшие от безрезультатного уголовного преследования встречаются с разнообразным противодействием в возмещении вреда. Так, на практике приходится сталкиваться с тем, что суды считают возможным возмещение только заработной платы, слова “других средств”, содержащиеся в п. 1 ч. 1, а также п. 5 (“иных расходов”) ч. 1 ст. 135 УПК РФ не применяются. Налоговая декларация о доходах физического лица, принятая налоговым органом, случалось, не признавалась достаточным доказательством доходов, предшествовавших уголовному преследованию, которым фактически уничтожалось хозяйственное общество реабилитированного. От истца судом требовалось представление доказательств видов доходов, полученных в организации и указанных в налоговой декларации накануне уголовного преследования, хотя ст. 135 УПК РФ и ст. 1070 ГК РФ не предусматривают необходимость классификации видов утраченных доходов (оклад, премии, надбавки, материальная помощь).

3) *Все недостатки, присущие институту возмещения морального вреда, связанные с определением размера справедливого возмещения, присущи компенсации морального вреда, причиненного уго-*

ловным преследованием, однозначно отнесенной к сфере гражданского судопроизводства.

Наблюдается большой диапазон в суммах присуждаемых компенсаций морального вреда. Невозможно уловить закономерность между временем уголовного преследования, нахождения в тюрьме невиновных и присуждаемыми размерами компенсаций¹⁴. Это не соответствует положениям ст. 19 Конституции РФ. В большинстве своем размер компенсаций морального вреда в таких случаях все же выражает неуважительное отношение государства и общества к человеку. Хотя нужно оговориться, что Конституционный Суд РФ считает иначе.

Решением суда с казны РФ в пользу А.А. Веретенниковой была взыскана компенсация в возмещение морального вреда, причиненного ей в результате незаконных действий органов предварительного расследования, прокуратуры и суда в сумме 10 тыс. руб. В своей жалобе в Конституционный Суд РФ Веретенникова оспаривала конституционность положения п. 2 ст. 1101 ГК РФ, согласно которому при определении размера компенсации морального вреда должны учитываться требования разумности и справедливости. По мнению заявительницы, данным положением как неопределенным по своему содержанию, а потому не обеспечивающим равенство прав граждан в отношениях с государством, в частности при определении судом размера компенсации морального вреда, причиненного гражданам незаконными действиями государственных органов, перечисленными в ст. 1100 ГК РФ, были нарушены ее права и свободы, гарантированные ст. 2, 19 и 45 Конституции РФ.

Отказывая ей в принятии жалобы, в своем определении от 15 июля 2004 г. Конституционный Суд РФ указал, что само по себе использование в оспариваемой норме таких оценочных понятий, как “разумность” и “справедливость” в качестве требования, которым должен руководствоваться суд при определении размера компенсации морального вреда, не свидетельствует о неопределенности содержания данной нормы и не приводит к какому-либо неравенству при ее применении, поскольку названное правовое предписание не препятствует возмещению морального вреда гражданину в случаях, предусмотренных законодатель-

¹¹См., например: *Майшев О.* О возмещении морального и материального вреда, наступившего вследствие правонарушений действий органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда // СПС “КонсультантПлюс”. 1998. 23 марта.

¹²Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004. № 12. С. 9–10.

¹³*Константинов П., Стуканов А.* Институт реабилитации // Законность. 2004. № 7. С. 38.

¹⁴В СПС “КонсультантПлюс – Судебная практика” со ссылкой на “Обозрение: судебные новости”. 2000. № 7 приводится дело по иску лица, прошедшего по необоснованному обвинению в СИЗО пять месяцев. Суд второй инстанции снизил присужденную компенсацию морального вреда с 60 тыс. руб. до 5 тыс., мотивируя тем, что истец когда-то уже был в местах заключения. В статье Н. Рузановой “Судьи ошиблись на миллион рублей” (Росс. газ. 2005. 28 июня) говорится о присуждении компенсации невиновному осужденному морального вреда за семилетнее пребывание в местах лишения свободы в сумме 1 млн. руб.

ством. Разрешение вопроса о том, является ли обоснованным тот или иной размер компенсации вреда, взыскиваемый в пользу заявительницы, требует установления и исследования фактических обстоятельств конкретного дела¹⁵.

4) Наконец, *возмещение рассматриваемого вреда – просто фиктивная гражданско-правовая ответственность государства*. Если возмещение происходит за счет средств федерального бюджета, который формируется государством в основном из доходов граждан и юридических лиц, то за незаконные действия правоохранительных органов имущественную ответственность по сути несет общество, а не государство. В конечном итоге расплачиваются налогоплательщики и в какой-то, пусть мизерной, доле сам пострадавший.

В то же время содержащиеся в гражданском праве преимущества для потерпевшего ущерб от государства на практике по рассматриваемой категории дел нивелируются.

В названном постановлении Конституционного Суда РФ от 25 января 2001 г. сказано: "...в гражданском законодательстве предусмотрены субъективные основания ответственности за причиненный вред, а для случаев, когда таким основанием является вина, решен вопрос о бремени ее доказывания... Гражданским кодексом Российской Федерации в качестве общего основания ответственности за причинение вреда предусмотрено, что лицо, причинившее вред, освобождается от возмещения вреда, если докажет, что вред причинен не по его вине (пункт 2 статьи 1064), т.е. по общему правилу, бремя доказывания отсутствия вины возлагается на причинителя вреда". Исходя из этого, истец должен доказать лишь размер своих доходов на начало уголовного преследования. Для отказа ему в удовлетворении требований о возмещении вреда представители казны должны доказать суду, что отсутствие таких же доходов в период уголовного преследования произошло не вследствие действий органов уголовного преследования, а по иным, доказанным ответчиком, причинам и в ином опять же доказанном ответчиком размере. В действительности же по делам о возмещении вреда по основаниям, предусмотренным ст. 1069, 1070 ГК РФ, обычно ответчику не приходится преодолевать презумпцию вины органов уголовного преследования и доказывать, что ущерб причинен не ими, а другими обстоятельствами.

Особенно для арбитражной практики характерно возложение на истца бремени доказывания незаконности действий должностных лиц, органов дознания, следствия и прокуратуры и причинно-

следственной связи между ними и причиненным ущербом¹⁶.

Все сказанное против того, чтобы институт возмещения вреда, причиненного незаконным уголовным преследованием, был мерой гражданско-правовой ответственности государства.

Во-вторых, непонятен смысл применения меры гражданско-правовой ответственности с одним по существу основанием возмещения вреда в двух видах судопроизводства. Вопросы, а не ясность в достижении цели порождают следующие положения гл. 18 УПК РФ и практика их применения.

1) *На причинителя вреда возлагается обязанность разъяснить потерпевшему от него порядок возмещения вреда, определить размер ущерба и вынести постановление о производстве выплат (ст. 134, ч. 2 и 4 ст. 135 УПК РФ). Практически этот порядок не соблюдается, и пострадавший сам через суд добивается возмещения вреда.*

Добровольное наказание самого себя не вписывается в истинный образ привлечения к юридической (негативной) ответственности, в том числе к гражданско-правовой. Конструкция добровольной гражданско-правовой ответственности произрастает из утверждения о заинтересованности государства в возмещении вреда, причиненного необоснованным уголовным преследованием, которое О.В. Михайленко справедливо называет утопичным¹⁷.

2) *Согласно ч. 5 ст. 135 УПК РФ требование о возмещении имущественного вреда разрешается судьей в порядке, установленном ст. 399 УПК РФ. Но последняя, регулирующая исполнение приговора в отношении осужденного, совершенно непригодна.* По ее терминологии нередко заявители, которые не были даже подсудимыми, в судебных постановлениях именуются осужденными.

В ст. 397, 399 и других нормах статей УПК РФ не определены обстоятельства, подлежащие установлению по делам о возмещении вреда реабилитированному, права и обязанности участников дела, распределение бремени доказывания. Не указано, что в деле должен участвовать представитель казны РФ – Министерства финансов РФ либо другого го-

¹⁶См.: Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 8 декабря 1998 г. // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 1999. № 3. С. 36–38; постановления ФАС Уральского округа от 11 ноября 2002 г., от 19 июля 2004 г., от 18 июля 2005 г.; ФАС Восточно-Сибирского округа от 28 февраля 2007 г.; Определение Высшего Арбитражного Суда РФ от 25 января 2007 г. по делу № А40-60889/05-102-562 // СПС "КонсультантПлюс". О противоположных позициях арбитражной практики в возложении бремени доказывания вины см.: Прус Е. Неединообразный вред // Эж-Юрист. 2005. № 48.

¹⁷См.: Михайленко О.В. О юридической природе отношений по возмещению вреда реабилитированному // Юрист. 2006. № 11. С. 5.

¹⁵СПС "КонсультантПлюс". Документ опубликован не был.

сударственного органа, на который возлагается обязанность выплаты присужденной суммы. Хотя Судебная коллегия Верховного Суда РФ отменила постановление суда о возмещении вреда на основании ст. 135 УПК РФ в связи с тем, что о слушании дела не было надлежаще извещено Министерство финансов РФ, усмотрев в этом нарушение именно ст. 399 УПК РФ¹⁸.

Прокурор участвует в деле в роли товарища судьи, с претензией на объективность заключения. Хотя он возглавляет систему органов – причинителей вреда и должен быть в связи с этим на стороне ответчика – государства. И вслед за принесенными, согласно ч. 1 ст. 136 УПК РФ, извинениями нести бремя доказывания причинителя вреда.

3) *Сосуществование двух видов судопроизводства для одного требования порождает вопрос об их соотношении.*

После определения Верховного Суда РФ от 14 января 2005 г. нельзя рассматривать подачу заявления реабилитированного о возмещении имущественного вреда в порядке гл. 18 УПК РФ как обязательное условие для обращения в суд в порядке гражданского судопроизводства с аналогичными требованиями, но уже на основании ст. 1070 ГК РФ¹⁹. Поэтому для реабилитированного, который, как правило, желает возмещения морального вреда, целесообразнее не двухступенчатый путь: возмещение имущественного вреда в уголовном судопроизводстве, а затем по условиям ч. 2 ст. 136 УПК РФ компенсация морального вреда в гражданском судопроизводстве, а решение всех вопросов сразу в гражданском деле. Отсюда напрашивается вопрос: зачем нужна гл. 18 УПК РФ?

Если же реабилитированный избирает все же двухступенчатый способ возмещения вреда, то возникает вопрос: является ли гражданское судопроизводство фактически стадией пересмотра постановления о возмещении вреда, вынесенного в уголовном судопроизводстве? Неоднозначно толкуется ст. 138 УПК РФ: “Восстановление трудовых, пенсионных, жилищных и иных прав реабилитированного производится в порядке, установленном статьей 399 настоящего Кодекса для разрешения вопросов, связанных с исполнением приговора. Если требование о возмещении вреда судом не удовлетворено или реабилитированный не согласен с принятым судебным решением, то он вправе обратиться в суд в порядке гражданского судопроизводства”.

Может ли реабилитированный, которому отказано полностью или частично в удовлетворении

заявления о возмещении вреда, предусмотренного ст. 135 УПК РФ, обратиться с аналогичными требованиями, но уже на основании ст. 1070 ГК РФ? Либо обращение с аналогичными рассмотренным в уголовном судопроизводстве требованиями возможно только по вопросам, прямо предусмотренным в ст. 138 УПК РФ, а при отказе в возмещении ущерба, установленного ч. 1 ст. 135 УПК РФ, должно быть отказано в принятии иска с аналогичными требованиями, согласно п. 2 ч. 1 ст. 134 ГПК РФ?

Гражданину Ч. было отказано Индустриальным райсудом г. Перми постановлением от 6 июля 2007 г. в возмещении вреда, предусмотренного ст. 135 УПК РФ. Судебная коллегия по уголовным делам областного суда определением от 15 августа 2006 г. оставила кассационную жалобу Ч. без удовлетворения. Отказывая в удовлетворении надзорной жалобы Ч., судья областного суда указал на возможность заявления аналогичных требований в порядке гражданского судопроизводства. Мотовилихинский райсуд г. Перми рассматривал по существу иски, заявленные по основаниям ст. 1070 ГК РФ и аналогичные по содержанию рассмотренным Индустриальным райсудом.

Но в это же время происходило и другое. Ч. подал отдельное заявление о восстановлении пенсионного стажа в порядке ст. 138 УПК РФ. Постановлением Индустриального райсуда г. Перми от 27 июля 2006 г. заявление оставлено без удовлетворения. Определением Судебной коллегии по уголовным делам областного суда от 29 августа 2006 г. дело по его кассационной жалобе снято с рассмотрения, кассационное производство по делу прекращено с разъяснением права на обращение в суд в порядке гражданского судопроизводства. В постановлении судьи Пермского областного суда от 4 октября 2006 г., которым было отказано в удовлетворении надзорной жалобы, была изложена позиция, согласно которой уголовно-процессуальное законодательство не предусматривает возможности в случае отказа в удовлетворении требований о возмещении вреда либо в случае несогласия реабилитированного с принятым судебным решением обжаловать это в порядке уголовного судопроизводства. Такое решение подлежит обжалованию в порядке гражданского судопроизводства по смыслу ст. 138 УПК РФ.

В жалобе, направленной в Верховный Суд РФ, было указано, что в УПК РФ не предусмотрена такая форма окончания производства по кассационной жалобе как снятие с рассмотрения жалобы или прекращение кассационного производства без прекращения производства по делу. Согласно ст. 138 УПК РФ, действительно возможно в порядке гражданского судопроизводства повторное рассмотрение заявлений реабилитированного о возмещении вреда, причиненного уголовным преследованием. В силу этого указания Закона нельзя в

¹⁸См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004. № 1. С. 19.

¹⁹Требованиям о возмещении вреда должно предшествовать признание права на реабилитацию в уголовном судопроизводстве (см.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 2007. № 5. С. 31–32).

гражданском судопроизводстве отказать в принятии такого заявления или прекратить производство по гражданскому делу. Но нельзя считать это формой пересмотра судебного постановления в суде второй инстанции.

Один вид судопроизводства (гражданского) не может быть стадией другого вида судопроизводства (уголовного). Это следует из определений видов судопроизводства и норм, регулирующих производство в суде второй инстанции (ст. 1, разд. XIII УПК РФ и ст. 1 ГПК РФ).

Следовательно, реабилитированный может обратиться с заявлением в порядке гражданского судопроизводства о возмещении вреда уголовным преследованием в случае несогласия с решением, принятым в порядке гл. 18 УПК РФ, после вступления этого решения в законную силу, что определяется согласно ст. 390 УПК РФ. Но кассационное определение по делу в порядке гл. 18 УПК РФ должно быть вынесено в соответствии с Законом, в том числе с соблюдением требований, предусмотренных ст. 354, 378 УПК РФ.

Надзорная жалоба с этими доводами постановлением судьи Верховного Суда РФ была удовлетворена 21 февраля 2007 г.

Любопытно, что в постановлении судьи Пермского областного суда от 4 октября 2006 г. утверждалось также, что по смыслу закона суд, разрешая вопросы, касающиеся возмещения вреда реабилитированному, устанавливает бесспорные факты, поскольку на данной стадии уголовного судопроизводства не вправе исследовать и оценивать доказательства.

Что понимается под “бесспорными фактами”? Что устанавливать суду, если факты бесспорные? Если нет спора, то что должен решать суд? Если суд не исследует и не оценивает доказательства, то в чем заключается судебное разбирательство? Как это соответствует положениям ч. 4 ст. 7, ст. 15, 17 УПК РФ? В силу этих норм участвующие в деле реабилитированный и противостоящий ему представитель казны обязаны обосновать суду свои позиции соответствующими доказательствами, а суд должен оценить эти доказательства и вынести законное, обоснованное и мотивированное постановление. УПК РФ не предусматривает прекращение производства по делу о возмещении вреда, начатому по заявлению реабилитированного, в связи с возникновением спора о праве или обстоятельствах или в связи с предоставлением участниками дела доказательств.

Высказанный в приведенном судебном постановлении тезис говорит не о продуманной позиции, а о той “каше”, которая заварена в судейских головах в связи с применением гл. 18 УПК РФ.

4) Законодатель введением в гл. 18 УПК РФ ст. 139 предпринял шаги для защиты прав юри-

дических лиц, которым при расследовании уголовных дел причиняется ущерб. Но невнятное содержание позволило судебной практике превратить задуманную норму в фикцию.

В опубликованной судебной практике и в электронных справочно-информационных системах не обнаруживается положительная для юридических лиц практика применения ст. 139 УПК РФ. Отношение к ней судебной власти удалось установить в следующем деле.

ООО “ЗЭТ” обратилось в Индустриальный райсуд г. Перми с заявлением о возмещении вреда, причиненного обществу при расследовании уголовного дела. Постановлением от 29 июля 2005 г. отказано в рассмотрении по существу поданного заявления с разъяснением ООО права обращения с указанными исками в порядке гражданского судопроизводства в арбитражный суд Пермской области. Это мотивировано тем, что ст. 139 УПК РФ лишь гарантирует право возмещения вреда юридическим лицам в связи с реабилитацией, однако гл. 47 УПК РФ не содержит “механизма” взыскания ущерба в пользу юридических лиц в рамках уголовного судопроизводства.

Доводы кассационной и надзорной жалоб о том, что о механизме взыскания ущерба юридическим лицам прямо предусмотрено в самой ст. 139 УПК РФ, приложением № 144 к УПК РФ (тогда еще действовавшим), оставлены без удовлетворения соответствующими судебными инстанциями.

Председатель Пермского областного суда, отказывая в удовлетворении жалобы на постановление судьи Пермского областного суда об отказе в удовлетворении надзорной жалобы, связал применение ст. 139 УПК РФ с реабилитацией, право на которую юридические лица не имеют, а потому сделал вывод о невозможности применения ст. 139 УПК РФ: вопрос о возмещении вреда, причиненного при расследовании уголовного дела органами предварительного расследования юридическим лицам, не может разрешаться судом по нормам уголовно-процессуального закона. Постановлением судьи Верховного Суда РФ от 15 февраля 2006 г. и письмом заместителя председателя Верховного Суда РФ от 3 апреля 2006 г. об отказе в удовлетворении надзорных жалоб эта позиция подтверждена.

ООО “ЗЭТ” обратилось с жалобой в Конституционный Суд РФ о признании не соответствующей Конституции РФ (ст. 47, 53) ст. 139 УПК РФ по смыслу, придаваемому ей сложившейся правоприменительной практикой, согласно которому вопрос о возмещении вреда, причиненного при расследовании уголовного дела юридическим лицам, не может разрешаться судом по нормам уголовно-процессуального закона.

В жалобе указывалось, что отказ в применении ст. 139 УПК РФ противоречит позиции, изложенной в п. 5 мотивировочной части постановления Конституционного Суда РФ от 16 июня 1998 г.²⁰ Исключение применения ст. 139 УПК РФ без постановки вопроса о ее конституционности обращением в Конституционный Суд РФ нарушает право на рассмотрение дела в том суде, к подсудности которого оно отнесено Законом (ч. 1 ст. 47 Конституции РФ). Возмещение вреда в порядке уголовного судопроизводства, согласно ст. 139 УПК РФ, создает более благоприятные условия для юридического лица, чем в арбитражном судопроизводстве, в части распределения бремени доказывания и за счет того, что в уголовном судопроизводстве подача заявления не обусловлена уплатой государственной пошлины и распределением расходов по ее уплате по итогам рассмотрения дела.

Определением от 21 декабря 2006 г. Конституционный Суд РФ отказал в принятии жалобы к рассмотрению, не пожелав рассматривать вопрос о действительности ст. 139 УПК РФ²¹. Этот отказ, возможно формально правильный, подчеркнул декларативность и практическую никчемность ст. 139 УПК РФ. Стало ясно, что нельзя преодолеть нежелание судов ее применять.

Те, кто ратует за возмещение вреда, причиненного юридическим лицам в ходе предварительного расследования исключительно в порядке гражданского или арбитражного судопроизводства²², имеют теперь подтверждение своей позиции в судебной практике, не допускающей использования юридическими лицами права, провозглашенного ст. 139 УПК РФ.

Эти и ряд других камней преткновения в реализации норм гл. 18 УПК РФ говорят о принципиальных недостатках ее конструкции.

В целом сегодня в теории, законодательстве и правоприменительной практике нет строгого различия между возмещением вреда, причиненного виновными действиями государства, и социальными обязательствами государства (общества) в силу закона. В Законе РФ “О реабилитации жертв политических репрессий” от 18 октября 1991 г. указывалось об ответственности государства²³. Хотя очевидно, что выплаты по этому Закону обязано производить не виновное государство, а

нынешнее общество, не имеющее отношения к репрессиям²⁴.

Возмещение вреда при отсутствии вины конкретных лиц в его причинении, предусмотренное ныне гл. 18 УПК РФ, ч. 1 ст. 1070, ст. 1100 ГК РФ, следует формулировать как обязательства государства в силу закона, в которых выражаются обязанности одной части общества перед другой за ошибки органов уголовного преследования. Подобно обязательствам по выплатам компенсаций определенным категориям граждан, пострадавшим от чрезвычайных событий, или в силу их здоровья (инвалиды), семейных обстоятельств (сироты) нуждающимся в помощи общества. Такие обязательства – выражение распределительной функции государства представляется необходимым отличать от гражданско-правовой ответственности государства.

Соответственно нормы, содержащиеся в п. 1 ст. 1070, абз. 3 ст. 1100 ГК РФ, должны смениться нормами закона, в котором будут четко определены: 1) юридические факты, наступление которых порождает расходные обязательства государства (общества); 2) порядок определения размера возмещения ущерба; 3) порядок рассмотрения заявлений о возмещении рассматриваемого вреда.

1. Юридическими фактами, порождающими обязательства по возмещению вреда, причиненного уголовным преследованием физическим лицам, можно воспроизвести обстоятельства, указанные сегодня в ч. 2 ст. 133 УПК РФ. Основания возникновения имущественных обязательств государства перед юридическими лицами предлагается сформулировать следующим образом: “подлежит возмещению имущественный вред юридическому лицу, у которого при производстве уголовного дела изымалось имущество, документы, либо деятельность которого приостанавливалась по распоряжению или вследствие действий органов дознания, предварительного следствия, прокурора, если уголовное дело прекращено по основаниям, предусмотренным пунктами 1, 2, 5 и 6 части первой статьи 24 и пунктами 1 и 4–6 части первой статьи 27 УПК РФ либо изъятое имущество или документы не указаны в качестве доказательств в обвинительном приговоре, вынесенном по данному уголовному делу”.

2. Нормы, определяющие виды и размер возмещения вреда физическим лицам, с учетом опыта участия в делах рассматриваемой категории пред-

²⁰См.: Собрание законодательства РФ. 1998. № 25. Ст. 3004.

²¹СПС “КонсультантПлюс”. Документ опубликован не был.

²²Валежникова Я. Порядок возмещения вреда, причиненного незаконным уголовным преследованием // Эж-Юрист. 2006. № 14. С. 7.

²³См.: Баглай М.В., Туманов В.А. Малая энциклопедия конституционного права. М., 1998. С. 296.

²⁴Работы, в которых четко различаются обязательства государства по возмещению вреда и компенсационные обязательства государства, не являющиеся мерой ответственности: Агарков М.М. Избр. труды по гражданскому праву. В 2-х т. Т. II. М., 2002. С. 221–222; Морозова Л.А. Проблемы правовой ответственности государства, его органов и служащих. “Круглый стол” журнала “Государство и право” // Гос. и право. 2000. № 4. С. 17; Тактаев И. Кто в ответе за теракт? // Эж-Юрист. 2003. № 1. С. 4; Смирнова М. Виноватых не сыскать // Эж-Юрист. 2003. № 12. С. 4.

лагаются в такой редакции: “Возмещение реабилитированному имущественного вреда включает в себя возмещение:

а) заработной платы, пенсии, пособия, доходов участника хозяйственного общества (акционера), средств, которых он лишился в результате уголовного преследования, определяемых за период с момента прекращения получения указанных доходов по момент вынесения решения о возмещении вреда с учетом уровня инфляции (основанием для расчета суммы возмещения имущественного вреда является среднемесячный доход реабилитированного в период, предшествовавший началу уголовного преследования, рассчитанный по правилам ст. 1086 ГК РФ по данным бухгалтерского учета организации – источника дохода или по сведениям налоговых органов о доходах этого физического лица);

б) стоимости изъятых в ходе уголовного преследования и утраченного или поврежденного имущества в размере денежной цены изъятых имущества, подтвержденной потерпевшим в протоколе изъятия, а при отсутствии этого определяемой по представляемым потерпевшим сведениям о рыночной цене аналогичного имущества на момент его изъятия, с учетом уровня инфляции с момента изъятия до вынесения решения о возмещении вреда с переходом прав на изъятые имущество казне Российской Федерации после возмещения вреда потерпевшему;

в) компенсации за невозможность пользоваться и распоряжаться изъятим и возвращенным без повреждений имуществом, принадлежащим реабилитированному на праве собственности (нарушение имущественных прав), в размере 0.5% от стоимости имущества, определяемой в порядке, указанном в пункте “б”, за каждый день удержания имущества;

г) конфискованного или обращенного в доход государства на основании приговора или решения суда имущества;

д) штрафов и процессуальных издержек, взысканных с него во исполнение приговора суда;

е) сумм, выплаченных им за оказание юридической помощи;

ж) иных расходов, связанных с производством по уголовному делу”.

Вместо произвольного определения компенсации морального вреда в многократно отличающихся размерах за одинаковые страдания, исходя из принципа равенства перед законом и судом (ст. 19 Конституции РФ), предлагается изложить порядок компенсации неимущественного вреда следующим образом: *“Реабилитированному присуждается компенсация в размере 100 руб. за каждый день уголовного преследования со дня получения им статуса подозреваемого по день вынесения постановления о прекращении уголовного преследования включительно и, кроме того, ком-*

пенсация в размере 100 руб. за каждый час нахождения под стражей”.

Юридическому лицу предлагается возмещать:

а) стоимость изъятых в ходе уголовного дела или предшествующей ему проверки утраченного или поврежденного имущества, не указанного в качестве доказательств в обвинительном приговоре, вынесенном по данному уголовному делу, в размере денежной цены изъятых имущества, подтвержденной собственником имущества в протоколе изъятия, а при отсутствии этого определяемой по представляемым собственником имущества сведениям о рыночной цене аналогичного имущества на момент его изъятия, с учетом уровня инфляции с момента изъятия до вынесения решения о возмещении вреда с переходом прав на изъятые имущество казне Российской Федерации после возмещения вреда юридическому лицу;

б) компенсацию за невозможность пользоваться и распоряжаться изъятим и возвращенным без повреждений имуществом, принадлежащим юридическому лицу на праве собственности (нарушение имущественных прав), в размере 0.5% от стоимости имущества, определяемой в порядке, указанном в п. “а”, за каждый день удержания имущества;

в) разницу между прибылью за налоговый период, в котором проводились следственные (или предшествовавшие возбуждению уголовного дела) действия, и прибылью за налоговый период, предшествовавший таким действиям, при снижении размера прибыли по отчетам о налоге на прибыль, принятым налоговыми органами. Если изъятие документов исключило возможность сдачи отчета по налогу на прибыль за период, в котором совершались действия в отношении юридического лица, то предполагается, что прибыль в этот период такое юридическое лицо не получило.

3. Вместо неработающей процедуры добровольного возмещения вреда органами уголовного преследования и малопонятных норм ч. 5 ст. 135 УПК РФ и ст. 399 УПК РФ о судебном порядке возмещения вреда нужно установить исключительно судебный порядок назначения выплат на основании вышеуказанных норм материального права о расходных обязательствах государства.

В идеале дела такой категории следовало бы отнести к компетенции административных судов, если они будут все же созданы. Пока же предпочтительнее такие выплаты назначать в гражданском судопроизводстве. Если же оставить такие дела в уголовном судопроизводстве, то необходима запрещающая норма: “Суд не вправе отказаться от рассмотрения по существу заявления реабилитированного или юридического лица о возмещении вреда, причиненного уголовным преследованием”.

По нашему мнению, необходимы такие положения:

а) Заявления о назначении вышеуказанных выплат должны рассматриваться судьей в судебном заседании с участием заявителя – реабилитированного или юридического лица, их представителей, представителя казны Российской Федерации, прокурора. Неявка надлежаще извещенных представителя казны Российской Федерации и прокурора не является препятствием для рассмотрения по существу заявления о возмещении вреда.

б) Суд проверяет наличие оснований для возмещения вреда, названных заявителем, и расчет его размера, заслушивает мнение участников судебного заседания о наличии или отсутствии оснований для возмещения вреда и о размерах возмещения. Заявитель имеет право на дополнения после

изложения мнений представителем казны Российской Федерации и прокурором. Суд может по своей инициативе запросить документы из налоговых органов и организаций, в которых заявитель получал доходы. Неустранимые сомнения подлежат толкованию в пользу заявителя. После заслушивания участников судебного заседания, исследования представленных ими и полученных по инициативе суда документов суд выносит постановление о частичном или полном удовлетворении заявленных требований или об отказе в их удовлетворении.

в) Решение суда о полном или частичном удовлетворении требований о возмещении вреда, причиненного при расследовании уголовного дела, после вступления в законную силу исполняется в порядке, установленном бюджетным законодательством.